

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

11*

Предлагаемая вниманию читателей книга впервые вышла в 1922 г. на родном для автора немецком языке под названием «Общественное хозяйство. Исследования социализма»¹. С тех пор этот труд Людвиг фон Мизеса неоднократно переиздавался с дополнениями автора. С выходом в 1936 г. в Англии перевода с немецкого издания 1932 г., выполненного Дж. Кахане (J. Kahane), книга получила название «Социализм: экономический и социологический анализ»². Перевод Дж. Кахане использован во всех последующих англоязычных изданиях, в том числе и в последнем американском издании (1981), с которого и сделан настоящий перевод на русский язык³.

Перевод с немецкого, осуществленный Дж. Кахане, не буквальный. Поэтому в тех случаях, когда, по нашему мнению, в немецком оригинале лучше, отчетливее выражена авторская мысль, русский текст отредактирован с ориентацией на немецкий оригинал. Восстановлены и сделанные переводчиком отдельные купюры.

Источники цитат и ссылок приводятся в том виде, как они даны Людвигом фон Мизесом. Если же данная работа издана на русском языке, то издание также указывается (в квадратных скобках). В таких случаях приводимые Мизесом цитаты даются по опубликованному русскому переводу первоисточника. Цитаты из К. Маркса и Ф. Энгельса даются по тексту второго издания Сочинений, а цитаты из В. И. Ленина — по тексту пятого издания Полного собрания сочинений.

Немногочисленные авторские подстрочные примечания обозначены тем же знаком, что и источники.

Встречающиеся в авторском тексте и в предисловии Ф. Хайека ссылки на страницы публикуемой работы Л. Мизеса приведены применительно к настоящему изданию.

Для удобства читателей труд Людвиг фон Мизеса снабжен постраничным комментарием, специально подготовленным для настоящего издания. Комментарий этот — сугубо фактологический и не несет никаких оценок излагаемых в авторском тексте идей и мнений.

Предметный и именной указатели также специально составлены для настоящего издания.

* На полях под чертой указано начало страницы по 1-му русскому изданию. См. Указатель.

¹ Ludwig von Mises, *Die Gemeinwirtschaft: Untersuchungen über den Sozialismus*, Jena, Verlag von Gustav Fischer, 1922.

² Ludwig von Mises, *Socialism: An Economic and Sociological Analysis*, London, Jonathan Cape, 1936.

³ Ludwig von Mises, *Socialism: An Economic and Sociological Analysis*, Indianapolis. Liberty Classics, 1981.

В американском издании 1981 г. текст Мизеса предваряется предисловием, написанным его учеником, лауреатом Нобелевской премии Фридрихом Хайеком. Издатели сочли целесообразным включить это предисловие в русское издание.

Б. Пинскер

Р. Левита

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Социализм», впервые появившись в 1922 г., произвел сильное впечатление. Эта книга постепенно изменила существо взглядов многих молодых идеалистов, которые вернулись к своим университетским занятиям после Первой мировой войны. Я знаю это, потому что был одним из них.

Мы чувствовали, что цивилизация, в которой мы выросли, рухнула. Мы были нацелены на строительство лучшего мира, и именно это желание пересоздать общество привело многих из нас к изучению экономической теории. Социализм обещал желаемое — более рациональный, более справедливый мир. А потом появилась эта книга. Она нас обескуражила. Эта книга сообщила нам, что мы не там искали лучшее будущее.

Ряд моих современников, позднее приобретших известность, но тогда не знавших даже друг друга, прошли сходный путь (например, Вильгельм Рёпке в Германии и Лайонел Роббинс в Англии)^[1]. Никто из нас не был до этого учеником Мизеса. Я познакомился с ним, работая во Временном управлении австрийского правительства, которому было доверено проведение в жизнь некоторых положений Версальского договора. Он был моим начальником, директором департамента.

Тогда Мизес был больше известен своей борьбой с инфляцией. Он приобрел доверие правительства и, будучи финансовым советником Австрийской торговой палаты, постоянно подталкивал его на тот единственный путь, который обещал предотвратить полное крушение финансовой системы. (За первые восемь месяцев работы под его руководством мое жалованье увеличилось в 200 раз.)

Многие из нас, студентов начала 20-х годов, знали о Мизесе как о довольно замкнутом университетском преподавателе, который лет за десять до этого опубликовал книгу¹, в которой положения австрийской школы предельной полезности^[2] были применены к теории денег. Эту книгу Макс Вебер^[3] выделил как наиболее толковую по данному вопросу. Возможно, нам следовало бы знать и то, что в 1919 году Мизес также опубликовал весьма глубокое исследование в области социальной философии, в котором рассматривались проблемы нации, государства и хозяйственной жизни². Эта книга, однако, так и не получила широкой

[1] Цифрами в квадратных скобках помечены комментарии.

¹ Ludwig von Mises, *Theorie des Geldes und der Umlaufsmittel*, München und Leipzig: Duncker & Humblot, 1912 [Мизес Л. фон. Теория денег и фидуциарных средств обращения // Мизес Л. фон. Теория денег и кредита. М.; Челябинск: Социум, 2012. С. 373 сл.].

² Ludwig von Mises, *Nation, Staat und Wirtschaft: Beiträge zur Politik und Geschichte der Zeit*, Wien: Manz'sche Verlags und Universitäts-Buchhandlung, 1919 [Мизес Л. фон. Нация, государство и экономика: о политике и истории нашего времени. М.; Челябинск: Социум, 2016].

известности, и я открыл ее для себя, только став его подчиненным в правительственном учреждении в Вене. Как бы то ни было, первая публикация книги «Социализм» была для меня большим сюрпризом¹. Насколько я знал, в предыдущие (и чрезвычайно загруженные) 10 лет у Мизеса едва ли было время для академических занятий, а эта книга представляет собой солидный трактат о социальной философии, свидетельствующий о независимом и критическом осмыслении автором почти всей существовавшей литературы.

В первые 12 лет нашего века Мизес, пока его не призвали в армию, изучал экономические и социальные проблемы. К этим вопросам его привлекла, как и мое поколение двадцатью годами позже, всеобщая увлеченность *Sozialpolitik*^[4] — подобием английского «фабианского» социализма^[5]. Его первая книга², опубликованная когда он еще изучал право в Венском университете, была пронизана духом господствовавшей немецкой «исторической школы», сосредоточенной почти исключительно на проблемах «социальной политики»^[6]. Позднее он даже присоединился к одной из тех организаций, которые побудили немецкий сатирический еженедельник изобразить экономистов как людей, которые обменяют жилище рабочего и приговаривают: очень тесное. Но изучая в ходе занятий юриспруденцией политическую экономию, Мизес открыл для себя экономическую теорию Карла Менгера^[7], который в то время как раз оставил профессию и вышел в отставку. Как говорит Мизес в автобиографических заметках³, книга Менгера «Основы учения о народном хозяйстве»⁴ сделала его экономистом. Пройдя через тот же опыт, я знаю, что он имеет в виду.

Первоначально Мизес интересовался преимущественно исторической стороной проблем и приобрел благодаря этому редкую среди теоретиков широту исторической эрудиции. Но, в конце концов, неудовлетворенность тем, как историки, а особенно историки экономики, истолковывали факты, подтолкнула его к изучению экономической теории. Он был вдохновлен Ойгеном Бём-Баверком^[8], который вернулся к профессуре после службы на посту министра финансов Австрии. В предвоенное десятилетие семинар Бём-Баверка был главным центром экономических дискуссий. В нем участвовали Мизес, Йозеф Шумпетер и выдающийся теоретик австрийского марксизма Отто Бауэр^[9], выступления которого

¹ Ludwig von Mises, *Die Gemeinwirtschaft: Untersuchungen über den Socialismus*, Jena: Gustav Fisher, 1922.

² Ludwig von Mises, *Die Entwicklung des gutsherrlichbauerlichen Verhältnisses in Galizien, 1772—1848*, Wien und Leipzig: Franz Deuticke, 1902.

³ Ludwig von Mises, *Notes and Recollections*, Foreword by Margit von Mises, trans. and postscript by Hans F. Sennholz, South Holland, Ill, Libertarian Press, 1978, p. 33 [Мизес Л. фон. Заметки и воспоминания // Мизес Л. фон. Воспоминания и история австрийской школы. Рецензии. М.; Челябинск: Социум, 2016].

⁴ Menger, *Grundsätze der Volkswirtschaftslehre*, Wien, 1871 [Менгер К. Основания политической экономии. М.: Территория будущего, 2005. С. 57—284].

в защиту марксизма длительное время были в центре дискуссий. В этот период идеи Бём-Баверка о социализме ушли, видимо, достаточно далеко за пределы того, что он успел опубликовать в нескольких работах перед своей ранней смертью. Нет сомнений, что именно здесь сложились основные идеи Мизеса о социализме, хотя сразу после публикации первой книги «Теория денег и кредита» (1912) он утратил возможности для дальнейшей работы, поскольку был призван в армию, где пробыл до самого конца Первой мировой войны.

Почти все эти годы Мизес служил офицером артиллерии на Русском фронте, хотя последние месяцы войны он провел в экономическом управлении Министерства обороны. Следует предположить, что он начал работать над «Социализмом», только оставив службу в армии. Вероятно, большая часть книги была написана между 1919 и 1921 гг.: основной раздел об экономических вычислениях при социализме был спровоцирован цитируемой им книгой Отто Нейрата^[10], вышедшей в 1919 г. То, что в тогдашних условиях он выкроил время, чтобы сосредоточиться над обширнейшей теоретической и философской работой, остается истинным чудом для того, кто хотя бы в последние месяцы этого периода почти ежедневно видел его погруженным в дела службы.

Как я уже отметил выше, «Социализм» потряс наше поколение, и усвоение основной идеи этой книги было для нас делом нелегким и мучительным. Мизес, конечно же, продолжал размышлять над этими проблемами, и многие из его позднейших идей были развиты в ходе «частного семинара», который он начал вести примерно в то время, когда был опубликован «Социализм». Я присоединился к семинару двумя годами позже, после года занятий в докторантуре в США. Хотя вначале у него было немного бесспорных последователей, молодые люди, проявлявшие интерес к проблематике, лежащей на границе между философией и теорией общества, воспринимали его восторженно. Зрелые профессионалы восприняли книгу с безразличием либо враждебно. Я помню всего одну рецензию, в которой проявились следы понимания важности книги, да и ту написал престарелый либеральный политик — реликт XIX века. Тактика оппонентов заключалась в том, чтобы представить его экстремистом, идеи которого никто не разделяет.

Взгляды Мизеса и в следующие два десятилетия развивались и нашли выражение в первом немецком издании (1940) книги, которая стала знаменитой под названием «Человеческая деятельность»¹. Но для первых последователей Мизеса именно «Социализм» навсегда остался

¹ На немецком языке она вышла в Швейцарии, в Женеве, под названием «Nationalökonomie: Theorie des Handelns und Wirtschaftens» («Экономическая теория: теория действий и хозяйствования»). С первого американского издания (1949) она носит название «Human Action». [Подзаголовок английского названия: «A Treatise on Economics». На русском впервые опубликована в 2001 г. в издательстве «Экономика» под названием «Человеческая деятельность: трактат по экономической теории»].

его решающим вкладом в науку. Эта книга поставила под вопрос мировоззрение поколения и мало-помалу изменила мышление многих. Члены венского кружка не были учениками Мизеса. Большинство пришли к нему с уже законченным экономическим образованием и лишь постепенно смогли принять его нешаблонные взгляды. Возможно, на них не в меньшей степени повлияли его обескураживающе правильные предвидения дурных последствий текущей экономической политики, чем убедительность его аргументов. Мизес вряд ли ожидал, что они примут все его воззрения, и дискуссии очень выигрывали от того, что члены кружка только постепенно расставались со своими взглядами. «Школа Мизеса» возникла только позже, когда он завершил развитие своего учения об обществе. Сама открытость системы обогащала его идеи и дала возможность некоторым из его последователей развить их в несколько ином направлении.

Аргументы Мизеса было не так-то легко воспринять. Порой требовались личные контакты и обсуждения, чтобы понять их полностью. При том что они были изложены обманчиво простым языком, изучающему требовалось еще и понимание экономических процессов — качество, встречающееся не так уж часто. Эта трудность особенно ясна в случае с его основным аргументом о невозможности экономических расчетов при социализме. При чтении оппонентов Мизеса возникает впечатление, что они на самом деле не понимают, зачем же нужны эти расчеты. Они рассматривают проблему экономических расчетов, как если бы все дело было в налаживании учета на социалистических предприятиях, а не в выборе того, что и как следует производить. Они удовлетворяются любым набором магических цифр, если он кажется пригодным для контроля за операциями управляющих — этих пережитков капиталистической эпохи. Похоже, им никогда и в голову не приходило, что вопрос не в игре цифр, а в подыскании тех единственных показателей, с помощью которых управляющие производством могут судить о значении своей деятельности в рамках взаимно согласующейся структуры хозяйственной деятельности. В результате Мизес пришел к осознанию того, что его критиков отличает совершенно иной интеллектуальный подход к социальным и экономическим проблемам, а не просто иное толкование отдельных фактов. Чтобы переубедить их, необходимо продемонстрировать потребность в совершенно иной методологии. Это и стало его основной заботой.

Публикация в 1936 г. английского издания «Социализма» была в основном заслугой профессора Лайонела Роббинса (ныне он — лорд Роббинс). Он нашел весьма квалифицированного переводчика — бывшего студента Лондонской школы экономики Жака Кахана (1900—1969), который остался активным членом кружка академических ученых этого поколения, хотя сам сменил поле деятельности. После многих лет работы в одной из крупнейших зерноторговых фирм Кахана завершил карьеру, работая в Риме в Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН и в Вашингтоне во Всемирном Банке^[1]. Последний раз я читал

текст «Социализма» в форме машинописного перевода Кахана, а перечитал его только теперь, готовясь к написанию этого предисловия.

Все это побуждает к тому, чтобы поразмыслить о значимости некоторых аргументов Мизеса по прошествии столь долгого времени. Естественно, что значительная часть работы звучит сегодня не так оригинально или революционно, как в прежние годы. Во многих отношениях эта книга стала одним из «классических» сочинений, которую принимают как данность и в которой не ищут ничего нового и поучительного. Я должен признать, однако, что сам был поражен не только тем, сколь большая часть ее все еще актуальна для сегодняшних споров, но и тем, что многие аргументы, которые некогда я принимал лишь отчасти как односторонние и преувеличенные, оказались поразительно истинными. Я и до сих пор кое с чем не согласен, но не думаю, что сам Мизес был бы недоволен этим. Уж конечно, он был не из тех, кто рассчитывает на не критичное восприятие последователями своей аргументации и на этой основе — на прекращение какого-либо интеллектуального прогресса. Но в целом я обнаружил, что различие наших взглядов намного меньше, чем я ожидал.

Я, в частности, не согласен с утверждением Мизеса, которое изложено на с. 408 настоящего издания. У меня всегда возникали проблемы с этим основным философским утверждением, но только сейчас я в состоянии сформулировать природу этих проблем. Мизес утверждает в этом отрывке, что либерализм «рассматривает все виды общественного сотрудничества как эманацию разумно понимаемой пользы, когда всякая власть базируется на *общественном мнении*, а потому невозможны действия, способные помешать свободному принятию решений мыслящим человеком». Сегодня я полагаю, что неверна только первая часть этого утверждения. Крайний рационализм этого утверждения, которого Мизес как истинное дитя своего времени *не мог избежать* и с которым он, возможно, так и не расстался, теперь мне представляется совершенным заблуждением. Бесспорно, что рыночная экономика стала преобладающей формой не в силу разумного понимания ее выгод. Мне представляется, что основное в учении Мизеса — это демонстрация того, что мы приняли свободу *не* потому, что поняли, какие выгоды она могла бы принести; что мы *не* изобрели и, конечно же, *не* были достаточно умны, чтобы изобрести тот строй жизни, который начали слегка понимать только спустя долгое время после того, как увидели его действие. Человек *сделал выбор* его только в том смысле, что он научился отдавать предпочтение чему-то из уже существовавшего, а по мере того, как росло понимание, он смог и усовершенствовать условия своей деятельности.

К большой чести Мизеса, он смог в немалой степени освободиться от этой рационалистически-конструктивистской исходной посылки, но дело все еще не закончено. Более чем кто-нибудь другой Мизес помог нам понять нечто, чего мы не изобретали.

Есть и еще один момент, который требует осторожности от современного читателя. Полстолетия назад Мизес еще мог говорить о либерализме

в смысле, который более или менее противоположен тому, что называется сегодня этим именем в США и все чаще в других местах. Он считал самого себя либералом в классическом смысле, как это было принято в XIX веке. Но прошло уже почти сорок лет с тех пор, как Йозеф Шумпетер был вынужден заявить, что в Соединенных Штатах враги свободы «сочли разумным присвоить себе это имя как высший, но совершенно незаслуженный комплимент»^[11a].

В эпилоге, который был написан в Соединенных Штатах через 25 лет после первой публикации книги, Мизес демонстрирует свое понимание этого обстоятельства, комментируя неправильное использование термина «либерализм». Прошедшие с тех пор тридцать лет только подтвердили этот комментарий, так же как они подтвердили и последнюю часть первоначального текста — «Деструкционизм». Эти главы при первом чтении просто шокировали меня своим необычайным пессимизмом. При перечитывании я был потрясен скорее дальновидностью автора, чем его пессимизмом. На деле большинство современных читателей обнаружат, что «Социализм» гораздо актуальнее сейчас, чем в то время, когда впервые появился на английском языке, т.е. уже более сорока лет назад.

Ф. А. Хайек
Август 1978 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ АНГЛИЙСКОМУ ИЗДАНИЮ

16

Сегодня мир расколот на два враждебных лагеря, сражающихся друг с другом с крайним неистовством, — на коммунистов и антикоммунистов. Мощная риторика обоих лагерей скрывает тот факт, что противники совершенно согласны между собой по вопросу о конечных целях экономической и социальной организации человечества. Оба стремятся к уничтожению частного предпринимательства и частной собственности на средства производства и к построению социализма. Оба хотят на место рыночной экономики поставить всесторонний правительственный контроль. Впредь решения отдельного человека — покупать или воздержаться от покупок — не смогут влиять на структуру производства, на количество и качество производимого. Все это будет определять единый правительственный план. «Отеческая» забота «государства благосостояния»^[12] низведет всех до положения крепостных работников, которые обязаны, не задавая вопросов, повиноваться приказам планирующих органов.

Точно так же нет никаких существенных различий между намерениями самозванных «прогрессистов», с одной стороны, и итальянских фашистов и германских нацистов — с другой. Фашисты и нацисты не меньше стремились к всесторонней регламентации экономической деятельности, чем те правительства и партии, которые столь пламенно заявляли о своем антифашизме. Г-н Перон в Аргентине^[13] пытается воплотить схему, которая в точности повторяет Новый курс и Справедливый курс^[14] и которая, если ее вовремя не остановят, приведет со временем к полному социализму.

Не следует смешивать великий идеологический конфликт нашей эпохи с обычным соперничеством между различными тоталитарными движениями. Ведь дело не в том, кто именно будет управлять тоталитарным механизмом. Действительная проблема в том, сумеет ли социализм вытеснить рыночную экономику.

Именно этому вопросу и посвящена моя книга.

Мировая ситуация существенно изменилась с момента первой публикации книги. Но все эти чудовищные войны и революции, чудовищные массовые убийства и ужасные катастрофы не изменили основного: идет отчаянная борьба между теми, кто любит свободу, благосостояние и цивилизацию, и растущим приливом тоталитарного варварства.

В Эпilogue я рассматриваю важнейшие аспекты событий последних десятилетий. Более подробное исследование соответствующих проблем содержится в трех моих книгах, опубликованных издательством Йельского университета:

Всемогущее правительство: тотальное государство и тотальная война;
Бюрократия;
Человеческая деятельность: трактат по экономической теории.

Людвиг фон Мизес
Нью-Йорк, июль 1950 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ

Далеко не ясно, существовал ли до середины XIX века какой-либо отчетливый вариант социалистической идеи, т.е. намерение обобществить средства производства и соответственно установить централизованный общественный, или, точнее, государственный, контроль над производством. Ответ зависит в первую очередь от того, считаем ли мы требование централизованного управления средствами производства во всем мире существенной чертой социалистической концепции. Для прежних социалистов «естественной» была идея об автаркии малых территорий, а любой товарообмен поверх границ они считали «искусственным» и вредным. Только после того, как английские фри-тредеры доказали преимущества международного разделения труда, а движение Кобдена^[15] сделало их взгляды популярными, социалисты занялись «конверсией» своих представлений о деревенском и районном социализме в идеи национального и, наконец, мирового социализма. В любом случае, отвлекаясь от этого момента, можно считать, что основы концепции социализма были разработаны во второй четверти XIX века писателями, которых марксизм считает «утопическими социалистами». Планы социалистического устройства общества активно обсуждались в тот период, но результаты оказались не в пользу авторов. Утопистам не удалось создать общественные конструкции, которые бы выдержали критику экономистов и социологов. В их схемах зияли дыры: было легко доказать, что общество, основанное на таких принципах, будет нежизненным и недееспособным и уж во всяком случае не оправдает ожиданий. Потому-то к середине XIX столетия стало казаться, что идея социализма ушла в прошлое. Наука продемонстрировала ее ничтожность средствами строгой логики, и ее сторонники не смогли выдвинуть ни одного контраргумента.

В этот момент и появился К. Маркс. Выученик гегелевской диалектической школы, благоприсягающий всяким злоупотреблениям тех, кто стремится к интеллектуальной власти с помощью произвольных фантазий и метафизического многословия, он быстро вывел социалистическую идею из тупика. Поскольку против социализма свидетельствовали наука и логика, следовало разработать систему, которая была бы устойчивой к такой критике. За решение этой задачи и взялся Маркс. Он двигался в трех направлениях. Во-первых, он отверг притязание логики на истинность для всех времен и всех народов. Мышление, доказывал он, определяется классовой принадлежностью мыслителя, представляет собой «идеологическую надстройку» над его классовыми интересами. Рассуждения, которые отвергали социалистическую

идею, были «разоблачены» как «буржуазные», как апология капитализма. Во-вторых, было заявлено, что диалектическое развитие с необходимостью ведет к социализму; целью и концом всей истории является обобществление средств производства мерами экспроприации экспроприаторов как отрицание отрицания. Наконец было постановлено, что никому не позволено выдвигать подобно утопистам какие-либо определенные планы устройства обетованной земли социализма. Поскольку приход социализма неизбежен, науке подобает категорически отвергать все попытки предопределить его устройство.

Никогда в истории никакое учение не встречало такой немедленной и полной поддержки, как это трехзвенное учение Маркса. Обычно недооценивают силу и размах его успеха. Эта недооценка имеет причиной то, что обычно к марксистам причисляют только тех, кто считает себя формально членом той или иной партии, объявляющей себя марксистской, и кто признает своей обязанностью безусловно придерживаться того толкования доктрины Маркса и Энгельса, которое признается их сектой. При этом, естественно, именно такие толкования и рассматривают как последний источник знаний об обществе и высшую норму политики. Но если мы обозначим как «марксистов» всех, кто признает основные принципы марксизма: классовую обусловленность мышления, неизбежность социализма и ненаучность попыток исследования природы и функционирования социалистического общества, мы обнаружим, что в Европе к востоку от Рейна очень мало немарксистов и даже в Западной Европе и в США его сторонников много больше, чем оппонентов. Верующие христиане нападают на материализм марксизма, монархисты — на его республиканизм, националисты — на его интернационализм. Но при этом все они желают считаться христианскими социалистами, государственными социалистами, национал-социалистами. Они утверждают истинность только своего социализма: именно он придет и принесет с собой счастье и удовлетворение. Другие виды социализма, говорят они, в отличие от их собственного не подлинны по своему классовому происхождению.

В то же самое время все они строго соблюдают запрет Маркса на любое исследование институтов социалистической экономики будущего и при этом пытаются доказывать, что существующая хозяйственная система неизбежно ведет к социализму в соответствии с неизменными законами исторического развития. Конечно же, не только марксисты, но и большинство тех, кто считает себя антимарксистами, следуют марксистской логике, принимают произвольные, недоказуемые и легко опровергаемые догмы марксизма. Если им удастся добраться до власти, они управляют и действуют в полном соответствии с духом социализма.

Несравнимый ни с чем успех марксизма обязан обещанию исполнить мечты о счастье и мечты о возмездии, которые столь глубоко укоренились в душе человека с незапамятных времен. Он обещает рай на земле, страну с молочными реками и кисельными берегами, полную счастья

и наслаждения, а также — что еще слаще для всех, кому пришлось плохо, — он обещает низвержение тех, кто сильнее и лучше массы. Естественно, что приходится отодвинуть в сторону логику и разум, которые могли бы показать абсурдность этих мечтаний о мести и блаженстве. Марксизм есть радикальнейшая из реакций против установленного рационализмом господства научной мысли. Марксизм — это антилогика, антинаука, антимышление, ведь его главный принцип — это запрет на мышление и исследование, особенно в тех случаях, когда они затрагивают вопросы устройства и функционирования социалистической экономики. Показательно, что он нацепил на себя ярлык «научного социализма» и таким образом приобщился к престижу науки, доказавшей победоносность своих методов, но использовал свое влияние как раз для борьбы с применением научных методов в исследовании социализма. Русские большевики настойчиво твердят, что религия есть опиум для народа. Марксизм-то и есть опиум для тех высших слоев, которые могут мыслить и которых нужно отвлечь от мышления.

В новом издании моей существенно переработанной книги я переступаю через почти повсеместно соблюдаемый Марксов запрет и подвергаю анализу проблемы социалистического устройства общества, анализу средствами социологической и экономической теории. Вспоминая с признательностью тех, чьи исследования сделали возможным работу в этой области для всех остальных, в том числе и для меня, я особенно рад тому, что именно мне удалось пробить дорогу через наложенный марксизмом запрет на научное исследование этих проблем. Задачи, на которые ранее не обращалось внимания, вышли на передний план научных интересов, и обсуждение проблем капитализма и социализма было поставлено на новую почву. Те, кто прежде отделялся немногими темными замечаниями о будущем социалистическом блаженстве, теперь принуждены изучать природу социалистического общества. Проблема выявлена, и теперь ее уже нельзя игнорировать.

Как и следовало ожидать, социалисты всех мастей и оттенков — от экстремистских советских большевиков до *Edelsozialisten*^[16] культурных стран — пытались опровергнуть мои доказательства и выводы. Успеха они не добились; они даже не сумели выдвинуть ни одного нового аргумента, который бы не был уже мною рассмотрен и отвергнут. В настоящее время научное изучение основных проблем социализма идет по тем направлениям, по которым шли мои исследования.

Особенно широкий отклик получили мои выводы, что в социалистическом обществе окажется невозможным экономический расчет. За два года до появления первого издания этой книги я опубликовал статью «Экономический расчет в социалистическом обществе» в «Archiv für Sozialwissenschaft» (47. Bd., №1), и этот текст почти слово в слово воспроизводится в обоих изданиях книги^[17]. Проблема, которую до этого почти не замечали, стала предметом оживленной дискуссии не только в немецкоязычных странах, но и за их пределами. Можно с чистой совестью

заявить, что дискуссия теперь закрыта; едва ли нынче кто-либо способен оспорить мои утверждения.

Вскоре после появления первого издания книги Генрих Херкнер, последователь Густава Шмоллера^[18], опубликовал эссе, в котором поддержал все основные моменты моей критики социализма¹. Его заметки вызвали настоящую бурю среди немецких социалистов и в их литературном окружении. В результате в период катастрофической борьбы в Руре и гиперинфляции^[19] разгорелась острая полемика, получившая наименование «кризиса социальной политики». Результаты полемики были скудными. «Выхолощенность» социалистической мысли, которую вынужден был признать пылкий социалист, стала особенно явной в этом случае². О плодотворных результатах, которые могут быть получены теми, кто подходит к социалистическим проблемам с методами прямого научного анализа, свидетельствуют замечательные работы Поле, Адольфа Вебера, Репке, Хальма, Зульцбаха, Бруцкуса, Роббинса, Хатта, Визера, Бенна и других^[20].

Но научного исследования проблем социализма недостаточно. Следует также разрушить стену предубеждений, которые сейчас препятствуют объективному постижению проблемы из-за господствующих социалистически-этатистских представлений^[21]. На любого сторонника социалистической политики смотрят как на адепта Блага, Нравственности и Благородства, как на самоотверженного борца за необходимые реформы, короче, как на человека, который бескорыстно служит своему народу и всему человечеству, и прежде всего как на честного и бесстрашного искателя истины. А всякий, кто подходит к социализму с меркой строгого научного анализа, объявляется носителем зла, негодяем, наемным слугой корыстных классовых интересов, угрожающих благосостоянию общества, и полным невеждой. Именно таков этот образ мыслей: то, что может быть установлено лишь научным исследованием, — капитализм или социализм лучше служит общему благу — считается само собой разумеющимся, безусловно решенным в пользу социализма. Результатам экономических исследований противопоставляются не аргументы, а «нравственный пафос», который столь характерен для стили приглашений на Эйзенахский конгресс в 1872 г.^[22] и к которому столь склонны и социализм, и этатизм, потому что им обоим нечего противопоставить научной критике их учений.

Старый либерализм, стоявший на почве классической политэкономии, утверждал, что материальное положение всех наемных работников может постоянно улучшаться только в меру возрастания капитала

¹ Herkner, *Sozialpolitische Wandlungen in der wissenschaftlichen Nationalökonomie* // *Der Arbeitgeber*, 13. Jahrgang, S. 35.

² Cassau, *Die Sozialistische Ideenwelt vor und nach dem Kriege* // *Die Wirtschaftswissenschaft nach dem Kriege. Festgabe für Lujo Brentano zum 80. Geburtstag*. München, 1925, I. Bd., S. 149 ff.

и что только капиталистическое общество, основанное на частной собственности на средства производства, может обеспечить это. Современная субъективная школа политической экономики усилила и укрепила такое понимание с помощью своей теории заработной платы^[23]. Здесь современный либерализм целиком совпадает со старым либерализмом. Социализм верит, что он нашел в обобществлении средств производства систему, которая принесет всем богатство. Эти противоположные взгляды должны быть подвергнуты трезвому научному анализу: стремления к всеобщему и моральные суждения ничем нам не помогут.

На самом деле социализм сегодня для многих, возможно, для большинства его сторонников есть предмет веры. Но у научной критики нет более благородной задачи, чем разрушение ложных верований.

Для защиты социалистического идеала от разрушительной критики предпринимаются ныне попытки иначе, чем было принято, определять понятие «социализм». Мое собственное определение социализма как политики, которая стремится к созданию общественного порядка, при котором все средства производства обобществлены, вполне согласуется со всем, что писали на эту тему в научной литературе. Полагаю, нужно быть исторически слепым, чтобы не видеть того, что в последние сто лет это, и только это, понималось под социализмом и что только в этом смысле великое социалистическое движение было и остается социалистическим. Но к чему спор о словах! Если кто-то хочет присвоить название социалистическому тому общественному идеалу, который стремится утвердить частную собственность на средства производства, — пусть его! Человек может называть собаку кошкой, а солнце — луной, если ему так нравится. Но такое выворачивание привычной и понятной каждому терминологии не ведет ни к чему хорошему и только усиливает непонимание. То, что составляет предмет моей книги, — это обобществление собственности на средства производства, т.е. та самая проблема, вокруг которой уже более столетия идет в мире такая ожесточенная борьба, проблема $\chi\alpha\tau\epsilon\zeta\omicron\chi\eta$ ^[24] для нашей эпохи.

Этого определения социализма нельзя обойти с помощью указания, например, что концепция социализма включает другие цели, помимо обобществления средств производства; возможно, что за всем этим стоит чисто религиозная идея или что социалистами движут на деле совсем другие мотивы. Сторонники социализма стоят на том, что единственная достойная своего имени разновидность социализма — это та, которая стремится к обобществлению средств производства по «благородным» мотивам. Другие, что слышат противниками социализма, согласны говорить о социализме, лишь если обобществление средств производства диктуется только «неблагородными» мотивами. Религиозные социалисты называют истинным социализмом только связанный с религией; атеистические социалисты настаивают на устранении Бога одновременно с частной собственностью. Но вопрос о том, как же может функционировать социалистическое общество, совершенно отличен от вопросов:

верить ли в Бога или нет, руководствоваться или не руководствоваться мотивами, которые господин Х считает благородными. Каждая группа социалистического движения убеждена, что лишь ее социализм правильный, а все остальные направления идут ложным путем; естественно, что при этом каждая партия пытается как можно резче подчеркнуть различие между особенностями собственных идеалов и особенностями идеалов других социалистических партий. Я уверен, что в ходе моего исследования сказал все, что необходимо, обо всех таких притязаниях.

В этом выпячивании особенностей отдельных социалистических направлений особенную роль играет их отношение к проблеме демократии и диктатуры. И здесь мне нечего добавить к сказанному в книге (гл. 3, 15 и 31). Достаточно отметить, что плановая экономика, к которой стремятся сторонники диктатуры, социалистична не меньше, чем социализм социал-демократов.

Капиталистическое общество есть воплощение того, что следовало бы назвать экономической демократией, если бы этот термин благодаря усилиям лорда Пассфилда и г-жи Вэбб^[25] не начали использовать исключительно для обозначения системы, в которой рабочие не только как потребители, но и как производители могут принимать решения о структуре и объемах производства. Такое положение дел было бы столь же мало демократичным, как, скажем, политическое устройство, при котором правительственные служащие, а не весь народ, определяли бы способ управления государством, — нечто противоположное тому, что принято называть демократией. Когда мы называем капиталистическое общество демократией потребителей, мы имеем в виду, что власть над средствами производства, принадлежащая предпринимателям и капиталистам, может быть получена только с помощью голосов потребителей, собираемых ежедневно на рынках. Каждый ребенок, оказывающий предпочтение одной игрушке перед другой, опускает тем самым свой бюллетень в ящик для сбора голосов и, в конечном счете, определяет, кто же будет руководить производством. В этой демократии и на самом деле нет равенства: некоторые имеют много голосов. Но умноженное право голоса, которое дается большим доходом, может быть получено и удержано только в ходе выборов. Если потребление богатых давит на чашу весов сильнее, чем потребление бедных, — хотя, нужно заметить, есть немалая склонность переоценивать долю потребления состоятельных классов в общем балансе потребления, — то и это есть само по себе «результат выборов», поскольку в капиталистическом обществе богатство может быть получено и сохранено только в меру целенаправленного удовлетворения запросов потребителей. Так что богатство преуспевающих дельцов всегда является результатом плебисцита потребителей, и, однажды заслуженное, это богатство может быть сохранено, только если использовать его в соответствии с требованиями потребителей. Средний человек одновременно и более информирован, и менее подвержен коррупции, когда он принимает решения как потребитель,

чем когда он участвует в политических выборах. Ведь есть же избиратели, которые, когда им приходится выбирать между свободной торговлей и протекционизмом, между золотым стандартом и инфляцией, не способны учесть все последствия своих решений. Покупатель, которому приходится выбирать между различными сортами пива или шоколада, решает, конечно, более легкую задачу.

Своеобразной особенностью социалистического движения является стремление часто обновлять обозначение своего идеально устроенного государства. Каждое изношенное обозначение заменяется другим, которое подстегивает надежды на конечное решение неразрешимых фундаментальных проблем социализма — и так до тех пор, пока делается ясным, что изменилось только имя. Последнее обозначение — «государственный капитализм». Не все понимают, что при этом имеется в виду то же самое, что и под именами «плановая экономика» и «государственный социализм», и что государственный капитализм, плановая экономика и государственный социализм только малыми деталями отличаются от «классической» идеи уравнительного социализма. Критика, содержащаяся в этой книге, направлена без различия на все мыслимые формы социалистического общества.

Отдельно рассмотрен только синдикализм в силу его фундаментального отличия от социализма (гл. 16, параграф 4).

Я надеюсь, что эти заметки убедят даже поверхностного читателя, что мои исследования и критика не ограничиваются марксистским социализмом. Я, конечно же, уделил марксизму места больше, чем другим разновидностям социализма, просто потому, что он сильно повлиял на все направления социалистического движения. Полагаю, что я рассмотрел все существенно важное для этих проблем и дал исчерпывающую критику основных черт немарксистских программ.

Моя книга — научное исследование, а не политическая полемика. Я проанализировал фундаментальные проблемы, обходя, насколько возможно, вопросы текущей экономической политики, политической борьбы правительств и партий. И я уверен, что это лучший путь, чтобы разобраться в основах политических проблем последних десятилетий и лет, и особенно в проблемах будущей политики. Только полное критическое рассмотрение идей социализма поможет нам понять, что же происходит вокруг.

Привычка говорить и писать об экономических вопросах, не разобравшись в существе проблем, сделала поверхностными публичные дискуссии по вопросам, жизненно важным для общества, а в результате направила политику прямо по пути разрушения цивилизации. Созданная немецкой исторической школой, а затем американскими институционалистами^[26] атмосфера недоброжелательства к экономической теории разрушила в этой сфере авторитет квалифицированных мыслителей. Наши современники полагают, что все вопросы, относимые к экономической теории и социологии, доступны всякому и каждому.

Предполагается, что чиновники профсоюзов и предприниматели просто в силу своего положения призваны решать национально-экономические проблемы. «Практические люди» такого сорта, даже если они сумели довести самих себя до разорения и банкротства, наслаждаются признанием в роли экономистов. Это положение должно быть изменено. Никакое желание избежать резких слов не должно в этом вопросе вести к компромиссу. Время сорвать маски с этих любителей.

Решение каждого из повседневно встречающихся экономических вопросов требует навыков мышления, которые доступны только тем, кто способен понять общую взаимозависимость экономических явлений. Только теоретические исследования, проникающие вглубь вещей, имеют действительную практическую ценность. Совершенно бесполезны диссертации, посвященные вопросам текущей политики: они слишком вдаются в частности и случайности, а потому и не видят главного и существенного.

Частенько говорят, что все научные исследования социализма бесполезны, потому что их могут понять только немногие, кто способен следить за ходом научной мысли. Массам все это так и останется непонятным. Для масс лозунги социализма звучат привлекательно, и люди пылко жаждут социализма, поскольку в ослеплении своем ожидают от него полного спасения и утоления жажды возмездия. Потому-то они и будут, как и прежде, работать на социализм, приближая неизбежный упадок цивилизации, которую тысячелетиями строили народы Запада. Все это обрекает нас на неминуемые хаос и нищету, на тьму варварства и уничтожение.

Я не разделяю этого мрачного взгляда. Так может случиться, но совсем не обязательно, что так все и будет. Большинство людей действительно не способны следить за сложными построениями мысли, и никакое обучение не поможет понять сложную мысль тем, кто не способен воспринять простую. Но как раз потому, что массы сами не способны мыслить, они следуют руководству тех, кого называют образованными людьми. Стоит убедить этих, и игра выиграна. Но я не хочу здесь повторять того, что уже говорил в первом издании книги в конце последней главы.

Я слишком хорошо знаю, насколько безнадежными кажутся усилия переубедить страстных поклонников социалистической идеи, логически демонстрируя, что их взгляды абсурдны и нелепы. Я хорошо знаю, что они не желают ничего слышать, видеть, а прежде всего думать, что они закрыты для любых аргументов. Но подрастают новые поколения с открытым умом и ясным зрением. И они будут подходить к вещам объективно, они будут взвешивать и анализировать, они будут мыслить и действовать осмотрительно. Для них написана эта книга.

Проведение более или менее либеральной политики на протяжении жизни нескольких поколений колоссально увеличило благосостояние мира. Капитализм поднял уровень жизни масс до уровня, который не могли бы и вообразить наши предки. Интервенционизм^[27] и попытки

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru